

**ECONOMICS OF DEVELOPMENT OR DYING AWAY:
THE ROLE OF SOCIAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES**

**ЭКОНОМИКА РАЗВИТИЯ ИЛИ УГАСАНИЯ:
РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Shedyakov Vladimir¹

DOI: https://doi.org/10.30525/978-9934-571-78-7_16

Abstract. The purpose of the text is to characterize the range of possibilities of social and informational means in the arsenal of socio-cultural impact on transitional economic processes in the unity of external and internal organizational and managerial resource and methodological bases. The survey is based on elaborations of the knowledge society, postmodernization, transitional periods. The article highlights the features of the influence of society on the economy of the postmodern transition. The relationship of macro – and micro regulation is additionally studied. The changing role of the middle class and the elite is specially examined. It is shown that a change in organizational and managerial relations can have not only a specific economic, but also a more significant socio-economic weight. The possibilities of post-non-classical scientific researches for the implementation of management decisions are clarified. On the continuation of an organic, nature-like social process (similar in the culture of Tradition) and a rich technique of life (as in Modern), broad prospects are emerging for postmodern transformations. The quality of their influence on the sociality of a particular cultural and civilizational world is largely ensured by its dominant mythologems. Consequently, the dialectic of the subjective and objective, purposeful and spontaneous, natural and random factors of myth-making becomes the most important link in ensuring the productivity of all social integrity. In the current organizational, managerial and business processes, there is a division not only into the actual, current economy of development or decline, but also the laying down of the trends of the future society. Social transformations include unique and regular factors, cyclically repetitive and unique. Socio-

¹ Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Economic Sciences, Free-lance, Ukraine

cultural development cycles combine traditional and innovative elements. The use of interparadigmatic transitional period significantly depends on the quality of societal management, the ability to connect the skills of state top managers and the creative energy of the masses in the art of combination in modernizing organizational and managerial compositions of strategy, tactics and operational art. The practical value of the text consists in the possibility of its use both in the organizational and management practice of the transition period, and in the corresponding university courses.

*«Ещё важнее ... самый дух жизни целой семьи человеческой»
(А.С. Хомяков)*

1. Вступление

Социально-экономический и нравственно-духовный упадок како-го-то время вполне может соседствовать с инструментально-техническим и потребительским разнообразием. Вместе с тем, условия соразмерности совокупной мощи человечества силе природных стихий ставят ойкумену без ценностно-смысловой генерализации на грань самоуничтожения. Состояние и использование социальных коммуникаций способны оказаться критичным фактором человеческой жизнедеятельности.

Фундаментальными основаниями анализа стали работы Аристотеля, Ф. Аквината, Н. Бердяева, А. Бузгалина, И. Валлерстайна, Б. Вышеславцева, Г. Гегеля, А. Грамши, А. Зиновьева, Э. Ильенкова, И. Канта, В. Келле, А. Колганова, Конфуция, И. Ильина, А. Лосева, Платона, В. Плахова, В. Сагатовского, С. Франка, А. Хомякова, Цицерона, Ж. Эллюля, А. Этциони. На материале отразились теоретико-методологические подходы исследований, во-первых, особенностей и сочетания динамики трендов циклично-возобновляемых и уникально-невозвратимых: А. Акаев, Ж. Атоли, А. Ахиезер, И. Барыгин, Ф. Бродель, В. Вазюлин, В. Василькова, Л. Гринин, Л. Гумилёв, К. Жюгляр, В. Зомбарт, М. Ильин, В. Иноземцев, С. Капица, В. Катасонов, А. Кива, Дж. Китчин, В. Козловский, Н. Кондратьев, А. Кортаев, С. Кузнец, В. Кузьмин, С. Малков, С. Меньшиков, Дж. Нейсбит, В. Пякин, Ю. Соколов, А. Тойнби, А. Уткин, Дж. Форрестер, А. Фурсов, М. Хазин, И. Черникова, А. Чижевский, А. Шлезингер-мл., О. Шпенглер, И. Яковлев; во-вторых, соотношения стратегической культуры народов и элит (разработки таких авторов, как Р. Арон,

Арриан, С. Ахромеев, А. Ачлей, А. Брусилов, А. Василевский, Вегеций, А. Воеводин, Н. Головин, Н. Данилевский, А. Егоров, А. Жомини, А. Игнатъев, Д. Калаич, А. Каледин, К. Клаузевиц, А. Кокошин, Л. Корнилов, Г. Леер, Маврикий, Р. Монтекукколи, А. Незнамов, Н. Огарков, Полибий, Полиэн, А. Свечин, А. Снесарев, А. Суворов, Сунь Цзы, В. Триандафилов, Ю. Фронтин, М. Фрунзе, С. Хантингтон, Цезарь, Б. Шапошников, А. Шлиффен, Эпиан); в-третьих, социально-исторического дрейфа ресурсно-методологических баз осуществления стратегического противоборства (А. Аллег, В. Большаков, С. Бухарин, Н. Вакурова, Н. Волковский, К. Гаджиев, А. Горбушкин, Л. Гринин, С. Гриняев, Д. Гусев, А. Денисов, А. Дугин, М. Жаров, С. Кара-Мурза, Г. Киссинджер, У. Кларк, А. Кольев, М. Короткова, И. Кузнецов, Л. Лаптев, В. Липкан, О. Лушников, А. Манойло, С. Московичи, Дж. Най, Э. Ноэль-Нойман, Дж. Овертон, Э. Ожиганов, Д. Ольшанский, Ю. Орлов, И. Панарин, С. Паршин, Н. Пелагеша, С. Петров, В. Плэтт, Е. Примаков, И. Радиков, Н. Семечкин, В. Серебрянников, Н. Стариков, О. Судоргин, С. Ткаченко, К. Туркова, Дж. Фриман, Р. Хилсмен, В. Хозиков, Е. Хусаинова, Э. Цветков, В. Цыганов, Дж. Шарп, В. Шевцов, Т. Шевяков, В. Шейнов, А. Эдмюллер и др.).

Основной целью данной статьи является подведение промежуточных итогов в анализе трансформаций роли социально-информационных коммуникаций как экономического фактора.

2. Достижение общественного согласия и развития: устойчивая неустойчивость

Чтобы наиболее продуктивно воспользоваться закономерностями неравномерности развития и, соответственно, смены основ лидерства и лидеров, надо видеть логику истории. Так, на разных фазах трансформаций решение задач общественного согласия может предполагать разный набор ресурсно-методологических баз. В т.ч. – и попытки отказа от смены парадигм развития, консервирования имеющихся общественных норм и изоляции от неудобных процессов. Вместе с тем, очевидная потеря исторической правоты либерализмом уже не позволяет рассматривать его в качестве основания для предполагаемого очередного «конца истории». Однако проблема «пределов роста» всё-таки вполне реальна, вот только характеризует растерянность именно тех, кто ориентируется на привычные, но уже уходящие в прошлое, меха-

низмы. За прежними стратегиями появились новые – соответствующие кардинально изменившимся условиям и диалектике собственных закономерностей и случайностей в трансформациях как отдельных культурно-цивилизационных миров, так и всего человечества. Меняется качество социально-экономического развития, где место гонки за расширением рынков и, соответственно, подталкивания стяжательства и потребительства начинают занимать духовно-нравственные горизонты и интеллектуальное творчество. Пришло время исторических скачков парадигмального масштаба, смешивающих прежние «табели о рангах» [1-4]. Более того, как раз бесплодные попытки помешать ходу истории, сохранив наличные отношения и иерархии (пусть и с применением всё новых подходов) зримо выступают весомым фактором не только духовно-нравственной эрозии, но и военно-политических противостояний.

Вместе с тем, общемировой тенденцией ныне является ослабление роли «социально-политического клея» общества у его среднего класса и целеполагания элит, деструкция самого общества, что имеет массу проявлений (в частности, порождающих регрессивные интерпретации государственных возможностей). С одной стороны, средний класс как таковой всегда был идеологической конструкцией, по сути дела, выражением мечты [5], с другой – его экономическое и идеологическое размывание между противостоящими друг другу крайностями не несёт обществу возможности опоры на него [6]. Элитные группировки также расколоты олигархическими кланами, тяготеющими к компрадорскому существованию, но манипулирующими в эгоистических целях то либералистическими, то националистическими жупелами [7-9].

Обширный перечень происходящих кардинальных изменений достаточно часто фокусируют в определении постмодерной трансформации или постмодернизации, имеющей длинный ряд собственных характеристик, особенностей и свойств. Их существенная часть проистекает из специфики информационной эры, сопряжённой с повышением значения экономики знаний и деятельности когнитариата с его особенностями ценностно-смысловых иерархий с соответствующими стимулами. При этом выживание и развитие человечества требует сочетания определённого «природоподобия» (близкого традиционной культуре) с высокой степенью технологических процессов (характерной модерну), что позволяет широко варьировать приемле-

мые для данных условий постмодерные решения. Рост потребности в осмыслении и оптимизации трансформаций на оси «человек – общество – государство», во-первых, – важнейшая составная часть воплощения сложного процесса кардинальных постсовременных изменений глобального масштаба, прежде всего – усиления логик и методологий постмодерного состояния культуры и постиндустриального – производительных сил «большого общества» ойкумены. Во-вторых, это характеризует особенности новой парадигмы «постэкономики», чьи черты жиднутся на новом сочетании индивидуального и социального. В-третьих, период межпарадигмальной неустойчивости дополнительно акцентирует значение социокультурных факторов в качестве остова хозяйствования. Наконец, особенности отечественного исторического опыта (включая и прежние модернизации) усиливают социальную доминанту происходящего [10-12]. При этом, с одной стороны работа теряет качество единственного мерила жизнедеятельности (если ранее и образование – подготовка к ней, и пенсия – вознаграждение за нее), но, с другой, – тем теснее интегрированность трудовой сферы в иные измерения жизнедеятельности, значительнее диффузия навыков из одной области отношений в остальные. Меняются и возможности составных частей общественного воспроизводства. Исторически длительное время наука и образование были дополнительны к производительному труду, однако уже его промышленная стадия кардинально изменила отношение и требования к их качеству и роли. Дальнейшие же трансформации вели к превращению и образования (самообразования) в непрерывный процесс, и науки в первую (ведущую) производительную силу общества через положение непосредственной производительной силы. Сегодня знание становится определяющим элементом общественно-необходимого труда; основной источник стоимости – творческий, прежде всего интеллектуальный, потенциал, а не мускульно-физические усилия работника; приоритет стратегий развития – производство знаний и эффективное применение них; добавленная стоимость распределяется с учетом затрат производителя, демократизируются системообразующие отношения общества (труда, собственности, управления), трансформируется общественное и индивидуальное потребление, ликвидируются основы классических форм отчуждения, появляется новый тип производства, экономика становится социально глобальной, меняется тип субъекта, предмета и

орудий труда в социально-экономической и институциональной структурах общественного воспроизводства.

Таким образом, духовно-информационное производство становится важнейшей частью социально-экономических систем. Вместе с тем, с одной стороны, оно испытывает заметное давление со стороны акторов глобальных процессов, с другой, – зиждется на особенностях форм, предоставляемых базовыми ценностно-смысловыми комплексами культурно-цивилизационных миров. На фундаментальном уровне духовно-информационное производство фиксирует производность общественного сознания от общественного бытия, на актуальном же – наоборот, общественного бытия от общественного сознания. Материальные и духовные культурно значимые пространственно-временные формы вещей, общественных контактов и процессов создают социально-экономический порядок, имеющий внутренние и внешние очертания. Одновременно, духовное творчество как неотъемлемая определенность духовного производства, оказывается крайне чутким к новым отчуждающим человеческую личность факторам. Так, творческое начало предполагает реализацию сущностных сил человека, потому имманентно его природе. Вместе с тем, повышается заинтересованность в паразитировании именно на его духовной (в частности, интеллектуальной) одарённости, для чего может эффективно привлекаться информационная сфера.

3. Стратегии социального управления в экономике: роль информационных коммуникаций (внутренний контур)

То. роль социально-информационного фактора экономического развития подвижна. Сейчас она взлетает, прежде всего, из-за особенностей нарождающегося общественного устройства с отчётливой интеллектуально-духовной доминантой (что и отражено в ряде определений, например, характеристике «общества знания»), а также недостаточных качествах правящего слоя. Не надо забывать и о том, что если капиталистический вариант модерна структурировал общество по экономическим лекалам, то социалистический – по социальным.

Регулирование как внутренней жизнедеятельности (саморегулирование), так и внешнего взаимодействия свойственно организму и индивидуальному, и социальному. Оптимизация его трансформаций связана с созданием среды, стимулирующей развитие, а не деграда-

цию; ликвидацию / ослабление негативных и усиление / поддержку позитивных процессов; формирование точек кристаллизации перемен; обеспечение субъектности изменений (в частности, развития и самоосознания элиты политической и хозяйственной, среднего класса и нового среднего класса, работников умственного труда); рост методологической грамотности принимающих и осуществляющих решения, прежде всего, стратегического уровня – при реализации ресурсного и кадрового приоритета. И в этом смысле жёсткость требований к властной элите, например, в вопросах защиты общественного достояния и отстаивания общих интересов связана и с тем, что в постсовременных условиях модернизация вовсе не предполагает очередной период «затягивания поясов» во имя светлого будущего. Для успешного долговременного общественного развития необходимо сохранение и приумножение социокультурного, человеческого, духовно-интеллектуального капитала, что, в свою очередь, создает предпосылки заинтересованности в обеспечении социального согласия и творческой реализации, в облечении в развивающие формы исконных базовых укладов и традиций. Соответственно, представления о социальном государстве обществе и общего процветания (благополучия) сегодня связываются с социально-информационной средой на основе ценностно-смысловых комплексов не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска.

За счёт этого совокупная общественная эффективность и хозяйственная конкурентоспособность в постсовременных условиях обеспечиваются развитием и реализацией личности и персонализацией деятельности, а отнюдь не нивелированием людей и усреднением функций. Трансформации способа производства, научно-технической и социально-экономической сторон прогресса человечества ныне уже привели к кардинальному росту роли социального фактора жизнедеятельности. В этих условиях дополнительные вложения «в человека» и «в общество» – это отнюдь не обременительная социальная нагрузка, а неперемное условие формирования необходимой среды качественного участия в конкурентной борьбе на верхних этажах экономики, где место экономии на переменном капитале в качестве магистрального направления получения стратегического выигрыша занимает творческая интеллектоёмкая деятельность, требующая тщательной подготовки и обеспечения, в том числе, путем качественных стимулирования

и управления. Более того, попытки поиска обоснования и распространения мифологем будто бы закономерности возможного отката в развёртывании прав человека и гражданина на самом деле – кардинальная угроза не только для узкоэкономического, но и для общесоциального развития личности и общества. Уровень реализации прав человека, качество его жизни, возможности творческой самодетельности и самовыражения – принципиальные завоевания социально-экономического прогресса, его неотъемлемые черты. В этих условиях отказ от идеологии социального государства мог бы привести не только к утрате трудового (в частности, научно-интеллектуального) потенциала, ослаблению заинтересованности работников, но и к подрыву социокультурной базы общественного согласия и социально-экономического развития [13-17].

Использование возможностей межпарадигмального переходного периода существенно зависит от качества социетального управления, умения создать продуктивный общественный климат соединения мастерства государственных топ-менеджеров и творческой энергии масс в искусстве сочетания в модернизационных организационно-управленческих композициях стратегии, тактики и оперативного искусства. Вместе с тем, чем выше положение на социальной лестнице – тем, естественно, выше степень ответственности. Так, например, в период форсированных трансформаций качество элиты культурно-цивилизационного мира наиболее полно проявляется, в частности, в умении создать и защитить: общий Сверхпроект, позволяющий структурировать мотивирующую общество мечту, настоянную на базовых ценностно-смысловых комплексах культурно-цивилизационного мира и облегчающую их плодотворное преобразование соответственно изменившимся условиям, его реализацию в массе адекватных малых и средних проектов развития, сочетать в том и другом реакцию на актуально происходящее и фундаментальные динамики.

Соответственно, при создании и осуществлении стратегии использования информационной сферы как фактора социально-экономического развития важно исследовательское движение к пониманию процесса обогащать знанием возможностей практического учёта особенностей момента. То есть с точки зрения методологии, вовлечение в анализ максимально широкого круга явлений с определением их верного соотношения, специфики и функций каждого из них предусматри-

вает восхождение от абстрактного к конкретному. И осуществляется оно не с внешним дополнением его последующей стадией обратного движения (от конкретного к абстрактному), а при включении в каждый его момент особенностей последнего. Вместе с тем, развитие научной теории и практики тесно взаимосвязаны. Причем требования к качеству их взаимообогащения усиливаются, а роль научного уровня подготовки влияния для трансформации действительности повышается. Дополнительная же актуальность анализа возможностей потенциала науки при этом связана как с усилением объективного запроса практики (в частности, заданиями изобретений непрерывных организационных находок, креатива, информационного пространства), так и со спецификой постсовременной методологии, которая, с одной стороны, пытается интегрировать принципиально разнородные научные подходы, с другой, – должна сохранить отличие рациональных путей построения стратегий (и, в частности, информационных воздействий в ее рамках) от «замыливания глаз» апелляцией к непознаваемым практикам, надчеловеческим влияниям и прочим вариантам мошенничества. Однако легко выдать намеренное жульничество или безграмотность за инноватику либо применение нетрадиционных подходов сегодня, когда речь идет о большей подвижности, размытости критериев и научности методологического знания сегодня. В отличие от науки классической, резко разделявшей ум и интуицию, рациональное и иррациональное, теоретическое и эмпирическое, научное и повседневное, постнеклассическая наука настроена на восприятие и работу со стохастической, катастрофической, слабопрогнозируемой и малоуправляемой, парадоксальной информацией о ситуации, часто имеющей нелинейный характер, объединяющий процессы циклические и нециклические. Впрочем, апелляции и к следованию эмпирике, и к «передовым интерпретациям» методологии могут скрывать как невежество, так и попытки разнокачественной манипуляции.

В этой ситуации критично важным может быть поддержание баланса между использованием научно-методологических инноваций, выводящих за пределы стандартных воззрений, а, с другой, – сохранением достоверности рекомендаций практике осуществления информационных воздействий. Соответственно, изменение общественных идеалов с позиций ценностного измерения бытия, культивирование многообразия мировоззрения, открытости сознания сработали как

определенная интеллектуальная предпосылка нового вхождения в общественную жизнь разнообразных иррациональных факторов. Соответственно, возможности рациональности – структуры со своими особенностями и законами, диктующими некоторые элементы метода познания и использования превращенных форм – сейчас для использования в социальных технологиях трансформации вдвойне ограничены: и как таковой, и в условиях ризомичности развития. Отсюда – принципиальная локализация рационально организованного мышления и конструирование действительности, его явное самоограничение. Поэтому сегодняшняя практика пытается интегрировать методы рациональные и иррациональные. Однако именно условия, которые в настоящее время созданы, подталкивают к широкому жонглированию общественным мнением и созданию популярных политических спекуляций. Так, важно различать используемые по принципу «чёрного ящика»; (неотчётливые, но действенные) пути решения проблем и зыбкую смесь достоверного с иллюзорным: если на первое можно опираться, то второе заведомо является ненадёжным.

При этом сформирована возможность более гибкого и мягкого отражения в стратегии на наличие аномальных социально-экономических явлений и периферийных культур. Закрепляются принципиально разнородные структуры. Внутренние ценности и глубоко индивидуальные смыслы, подходы и взгляды численно небольших групп приобретают звучание на макроуровнях, а то и агрессивно навязываются всем. Многие социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и уходящих фактов. Объективируется социальная потребность в запрете на насильственное манипулирование инновациями даже аутсайдерского типа, на разрушение даже контркультурных логик: новая эпоха создает свои культурные миры, где есть место всем. Потому обеспечение укоренённости изменений достигается как созданием новых, открывающих простор развитию форм сложившихся традиций при опоре на тенденции общецивилизационные, так и органичную трансформацию и несуетный, с чувством собственного достоинства, учёт существующей общественной и семейной памяти, особенностей жизни народа и «малой родины», а также опыт предшествующих (включая, например, советский период) модернизаций и специфику требований новой эпохи.

4. Социально-информационные ресурсы и противоречия международных экономических отношений (внешний контур)

Возможности реализации социально-информационного параметра экономики существенно зависят от умения и желания защищать свои интересы на международной арене. Культурно-цивилизационные миры проходят фазы метаморфоз отнюдь не синхронно, участвуя во взаимодействиях на разных этапах своих изменений. Каждый из культурно-цивилизационных миров осуществляет социальные трансформации, включающие как циклично повторяемые, так и невозвратно-уникальные (как поступательно-прогрессивные, так и регрессивные) движения. Взаимодействия между культурно-цивилизационными мирами, имеющие черты партнёрства / кооперации и конкуренции / состязания, приобретают черты большей / меньшей комплиментарности и / или антагонизма. Защита коренных интересов своего народа предполагает, в частности, последовательный курс на углубление переработки сырья со вскрытием рынков дешёвого сырья и развитием собственных высокотехнологических производственных циклов, обеспечивающих импортозамещение [18-21].

Ныне резко возрастает роль использования не только своих, но и отдалённых узлов своей технологической цепочки. Применение чужих ресурсов (включая человеческие и наработки НИОКР) упрощается информационным манипулированием и разрывами в региональной привлекательности. Соответственно, сегодня, при актуализации задач обеспечения информационного суверенитета и ограждения от информационных путей вмешательства во внутренние дела народа, повышении роли социально-информационных ресурсов упрочения своих конкурентных позиций и предотвращения использования информационной сферы для дестабилизации жизнедеятельности страны особенности взаимодействий именно стратегического уровня во многом определяются стратегией осуществления/восприятия информационных влияний. Достижение информационной конкурентоспособности становится ведущим фактором информационного обеспечения всей конкурентоспособности любого из культурно-цивилизационных миров в их стратегической конкуренции. Причем, как известно, в конкуренции регионов побеждают те, которым удастся защитить/навязать свои координаты, свой подход, даже – коллективные фантомы и социальные видимости. От разрушения исторической субъектности и

перехода к манипулируемому, объектному состоянию может уберечь лишь выход на мировые уровни эффективности и конкурентоспособности, прежде всего – за счёт создания общих условий и общественно необходимых точек концентрации ментальной энергии при развёртывании интеллектуально-творческого потенциала народа. Собственно, механизмы демократии, в частности социальные лифты, существуют именно для того, чтобы в обществе побеждали и продвигались на общегосударственный уровень наиболее качественные: лидеры, идеи, идеологии. Для этого в нынешних условиях глобализации и формирования постсовременных технологий и ресурсно-методологических баз инфообмена требуется выборочное применение технологий смещения как восприятия реальности общественным и индивидуальным сознанием, так и самой реальности в нужном направлении («позитивных мутаций») за счёт стимулирования желательных трансформаций – что, в свою очередь, предполагает возможность качественного доступа к нужной информации, и защиты от негативных информационных воздействий. Содержание постсовременных информационных технологий и стратегий победы над конкурентом – не уничтожение конкурента и его ресурсов, а их превращение в подконтрольные (что позволяет эксплуатировать, но не нести ответственности). Соответственно, на основе информационных воздействий ресурсный потенциал не ликвидируется, а становится собственным, добавляясь к своему. В этой ситуации обладание и обмен жизненно важной информацией становится одним из ведущих факторов обеспечения безопасности и развития постсовременного социального образования (системы, бессистемной целостности). Причём информационная революция и сама по себе рождает новые постсовременные модели: как для внутреннего использования, так и для внешних коммуникаций, – существенно меняющие мир, его стратегическую социально-информационную культуру. Например, информационный бум мультиплицировал возможности имиджеведения, связей с общественностью, управления социальной работой. При этом могут действовать разнообразные варианты обхождения / погашения очагов критичности (к примеру, путём апелляции к эмоциям, мифическому мировосприятию, высоким идеалам и проч.). Социальное наследие, историческая память фиксируют происходящее выборочно и дискретно, перемешивая знание с иллюзиями. Ограничения и предпочтения в восприятии как реального мира, так и вир-

туальной действительности создаются особенностями мировоззрения и сущностных сил, устойчивые комбинации которых закрепляются ценностно-смысловыми комплексами. Изучение закономерностей и случайностей управления, общего и особенного в принятии выбора на уровнях стратегии, тактики и оперативного искусства осуществлялось издревле: часто от их усвоения зависело выживание. В частности, судьбы противостояния культурно-цивилизационных миров решались и в результате стратегических решений. Вместе с тем, определенность шагов и действий складывалась под воздействием общекультурной доминанты. Причём смыслы жизнедеятельности: человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очередность трансформации их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего. Ценностные иерархии и жизненные смыслы неотъемлемы друг от друга и постоянно резонируют. Соответственно, ценностно-смысловые комплексы действуют слитно: с одной стороны, ценности окрашивают характер и направленность смыслов, с другой – они наполняют смыслом те или иные действия, определяя направленность интереса как познавательного, так и конструктивного. Многообразие социокультурных репрезентаций за счет формирования ценностно-смысловых комплексов обеспечивает не ядро культурно-цивилизационного мира и формирование саморегулирующих и саморазвивающихся механизмов, укорененных в традициях, устоях, нормах и передающихся механизмами социального наследования и памяти, но и предпочтения к путям, этапам и очередности возможных социально-политических преобразований.

Объективная реализация и субъективное использование ценностно-смысловых комплексов существенно трансформируется в условиях культуры традиционной, современной и постмодерной. Качество же их влияния на социальность того или иного культурно-цивилизационного мира во многом обеспечивается его доминирующими мифологемами. Следовательно, диалектика субъективного и объективного, целенаправленного и стихийного, закономерного и случайного факторов мифотворчества становится важнейшим звеном обеспечения продуктивности всей социальной целостности. Исследования по психозондированию дополнительно демонстрируют: человек не просто использует, «оперирует» мифическими впечатлениями, он живет среди них и

ними. Сама общность государства, политической нации, организации обеспечивается общими ценностями, смыслами и мифами.

Получение технологий и возможностей работы с информацией сегодня рассматривается как обязательное условие достойного существования и развития любой социально-информационной системы. В то же время снятие барьеров между отечественной и мировой социально-экономическими системами кроме очевидных преимуществ рождает / обостряет и серьёзные проблемы выживания в высококонкурентной международной среде, которая актуализирует внимание к информационному аспекту конкурентоспособности страны. Напротив, как замыкание в автаркии, так и редуцирование до уровня строительного элемента чужой цивилизации означает реальное исчезновение с мировой карты, утрату своей субъектности. Защита же собственной модели общественного согласия и развития ориентирует на активное участие в делах всей ойкумены; попытки замыкания в себе чреватые внешним оперированием по принципу «чёрного ящика». Но опасной может стать и развитие ситуации, если вступление в какие-либо международные организации, союзы и внешние альянсы воспринимается / провозглашается самоцелью, независимо от того, что может получить / потерять конкретный культурно-цивилизационный мир, когда идеология выдается за реальные потребности, настоящими же потребностями (в том числе, безопасности и развития) пренебрегают.

5. Выводы

В текущих организационно-управленческих и хозяйственных процессах происходит разделение не только на актуальную, нынешнюю экономику развития или упадка, но и закладывание трендов будущего общества. Общественные трансформации включают факторы уникальные и закономерные, циклически повторяющиеся и неповторимые. Социокультурные циклы развития сочетают элементы традиционные и инновационные. При этом выживание и развитие человечества требует сочетания определённого «природоподобия» (близкого традиционной культуре) с высокой степенью технологических процессов (характерной модерну), что позволяет широко варьировать приемлемые для данных условий постмодерные решения. Исторические условия, с одной стороны, закономерно выносят на передний план внутреннего и внешнего структурирования и развития крупные массы

народа, с другой, – повышают зависимость результатов общественного воспроизводства от меры просоциального развития и реализации глубоко индивидуального сочетания одарённости каждого. Социальный уровень информационного воздействия становится серьёзным фактором экономического развития, внутренних и внешних достижений.

В осуществлении же социальной педагогики как экономического параметра проявляется стратегическая культура народа и элиты, реализуемая при «соединительной ткани» среднего класса в осуществлении стратегической конкуренции при корреляции внутреннего и внешнего регулятивных контуров. Использование возможностей межпарадигмального переходного периода существенно зависит от качества социального управления, умения создать продуктивный общественный климат соединения мастерства государственных топ-менеджеров и творческой энергии масс в искусстве сочетания в модернизационных организационно-управленческих композициях стратегии, тактики и оперативного искусства. Так, например, в период форсированных трансформаций качество элиты культурно-цивилизационного мира наиболее полно проявляется, в частности, в умении создать и защитить: общий Сверхпроект, позволяющий структурировать мотивирующую общество мечту, настоящую на базовых ценностно-смысловых комплексах культурно-цивилизационного мира и облегчающую их плодотворное преобразование соответственно изменившимся условиям, его реализацию в массе адекватных малых и средних проектов развития, отражая актуально происходящее и фундаментальные динамики.

Регулирование как внутренней жизнедеятельности (саморегулирование), так и внешнего взаимодействия свойственно организму и индивидуальному, и социальному. Оптимизация его трансформаций связана с созданием среды, стимулирующей к развитию, а не деградации; ликвидацией / ослаблением негативных и усилением / поддержкой позитивных процессов; формированием точек кристаллизации перемен; обеспечением субъектности изменений (в частности, развития и самоосознания элиты политической и хозяйственной, среднего класса и нового среднего класса, работников умственного труда); ростом методологической грамотности принимающих и осуществляющих решения, прежде всего, стратегического уровня – при реализации ресурсного и кадрового приоритета. И в этом смысле жесткость требований к властной элите, например, в вопросах защиты общественного достояния и

отстаивания общих интересов связана и с тем, что в постсовременных условиях модернизация вовсе не предполагает очередной период «затягивания поясов» во имя светлого будущего. Для успешного долговременного общественного развития необходимо сохранение и приумножение социокультурного, человеческого, научно-интеллектуального капитала, что, в свою очередь, создает предпосылки заинтересованности в обеспечении социального согласия и творческой реализации, в обеспечении развивающимися формами исконных базовых укладов и традиций. Соответственно, представления о социальном государстве обществе и общего процветания (благополучия) сегодня связываются, скорее, с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска.

Дальнейшее научное осмысление темы могло бы предполагать тщательное специальное раскрытие развивающегося диапазона функций, возможностей и рисков качества связей с общественностью в период форсированных межпарадигмальных трансформаций.

Список литературы:

1. Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. Москва: Экономика, 2013. 295 с.
2. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва: Экономика, 2002. 767 с.
3. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 328 с.
4. Фурсов А.И., Правосудов С.А. На пороге глобального хаоса. Битва за будущее. Москва: Книжный мир, 2015. 288 с.
5. Mason P. America's new poor: the end of the middle-class dream. The Guardian. 2011. Oct., 14. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2010/oct/12/end-of-the-middle-class-american-dream/print>
6. Borosage R.I. The End of the Middle Class? URL: <http://dyn.politico.com/printstory.cfm?uuid=FFEF9201-F6C7-4357-946A-6CB14D272134>
7. Шедяков В.Е. Ценностные корреляты элиты и среднего класса: к вопросу о субъектности модернизационных процессов в регионах. Регионы в современном мире – 2014: Матер. Междунар. научно-практ. конф. Пермь, 2014. С. 26–29.
8. Шедяков В.Є. Маяки середнього класу в політичному процесі, або формування середнього класу в системі модернізації країни та визначенні якості суспільної безпеки. *Політологічні записки*. 2012. № 2(6). С. 66-77.
9. Шедяков В.Є. Еліта та проведення нової модернізації. *Політологічний вісник*. 2011. Вип. 53. С. 78-89.

10. Шедяков В.Е. Гармонизация индивидуального и социального в становлении общества знания. European vector of contemporary psychology, pedagogy and social sciences: the experience of Ukraine and the Republic of Poland: collective monograph / ed. board: M. Kiedrowska, A. Erechemla, T. Brannecki. Sandomierz: Baltija Publishing, 2018. Vol. 3. P. 446-470.

11. Шедяков В.Е. Ценностные основания национальных моделей социально-экономического развития. National Economic Reform: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing, 2016. Vol. 2. P. 164-190.

12. Шедяков В.Е. Соціокультурні підвалини стимулювання в інноваційній економіці. Innovations in the development of socio-economic systems: microeconomic, macroeconomic and mesoeconomic levels / ed. by J. Zukovskis, K. Shaposhnykov; Aleksandras Stulginskis University. Kaunas: Baltija Publishing, 2016. Vol. 2. P. 83-97.

13. Бурера В. Социально-адекватный менеджмент. Киев: Академия, 2001. 272 с.

14. Марков М. Технология и эффективность социального управления. Москва: Прогресс, 1982. 267 с.

15. Шедяков В.Е. Интеллектоёмкость и нравственность как атрибуты экономики, основанной на знаниях. National Economic Development and Modernization: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing, 2017. Vol. 1. P. 283-294.

16. Шедяков В.Е. Стратегічна культура проведення трансформацій: можливості та загрози. Розвиток економіки України під впливом економічних, соціальних, технологічних та екологічних трендів / за ред. М.С. Пашкевич, Ж.К. Нестеренко; М-во освіти і науки України, Запор. нац. техн. ун-т, Нац. гірн. ун-т. Дніпро: НГУ, 2015. С. 30-41.

17. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine / Maria Curie-Skłodowska University. Lublin: Baltija Publishing, 2017. P. 282-307.

18. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». Москва: Вече, 2003. 368 с.

19. Engdahl F.W. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. Pluto Press, 2004. 312 p.

20. Шедяков В.Е. Политико-экономическая стратегия форсированных трансформаций. Strategies for Economic Development: The experience of Poland and the prospects of Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing, 2018. Vol. 1. P. 287-303.

21. Шедяков В.Е. Организационно-управленческие ресурсно-методологические возможности обеспечения конкурентоспособности. Theoretical and practical aspects of the development of modern science: the experience of countries of Europe and prospects for Ukraine / Scientific editor and project director: Anita Jankovska. 1st ed. Part 1. Riga: Baltija Publishing, 2018. P. 495-517.

References:

1. Megatrendy mirovogo razvitiya / pod red. M.V. Ilina, V.L. Inozemceva (2013). M.: Jekonomika, 295 s.
2. Kondrat'ev N.D. Bol'shie cikly konjunktury i teorija predvideniya (2002). M.: Jekonomika, 767 s.
3. Vazulin V.A. Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii (1988). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 328 s.
4. Fursov A.I., Pravosudov S.A. Na poroge global'nogo haosa. Bitva za budushhe (2015). M.: Knizhnyy mir, 288 s.
5. Mason P. America's new poor: the end of the middle-class dream (2011). The Guardian. Oct., 14. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2010/oct/12/end-of-the-middle-class-american-dream/print>
6. Borosage R.I. The End of the Middle Class? Mode of access: <http://dyn.politico.com/printstory.cfm?uuid=FFEF9201-F6C7-4357-946A-6CB14D272134>
7. Shedyakov V.E. Cennostnye korreljaty jelity i srednego klassa: k voprosu o sub'ektnosti modernizacionnyh processov v regionah (2014). Regiony v sovremennom mire – 2014: Mater. Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Perm': 26-29.
8. Shedyakov V.E. Majaky serednjogho klasu v politychnomu procesi, abo formuvannya serednjogho klasu v systemi modernizaciji krajiny ta vyznachenni jakosti suspiljnoi bezpeky (2012). *Politologichni zapysky*. № 2(6): 66-77.
9. Shedyakov V.E. Elita ta provedennja novoji modernizaciji (2011). *Politologichnyj visnyk*. Vyp. 53: 78-89.
10. Shedyakov V.E. Garmonizatsiya individual'nogo i sotsial'nogo v stanovlenii obshchestva znaniya (2018). European vector of contemporary psychology, pedagogy and social sciences: the experience of Ukraine and the Republic of Poland / ed. board: M. Kiedrowska, A. Erechemla, T. Brancki. Sandomierz, Poland: Baltija Publishing, Vol. 3: 446-470.
11. Shedyakov V.E. Cennostnye osnovaniya nacional'nyh modelej social'no-jekonomicheskogo razvitiya (2016). National Economic Reform: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing., Vol. 2: 164-190.
12. Shedyakov V.E. Sociokulturni pidvalyny stymuljuvannya v innovacijnoji ekonomici (2016). Innovations in the development of socio-economic systems: microeconomic, macroeconomic and mesoeconomic levels / ed. by J. Zukovskis, K. Shaposhnykov; Aleksandras Stulginskis University. Kaunas: Baltija Publishing, Vol. 2: 83-97.
13. Burega V. Social'no-adekvatnyj menedzhment (2001). K.: Akademija, 272 s.
14. Markov M. Tehnologija i jeffektivnost' social'nogo upravlenija (1982). M.: Progress, 267 s.
15. Shedyakov V.E. Intellektojomkost' i npravstvennost' kak atributy jekonomiki, osnovannoji na znaniyah (2017). National Economic Development and Modernization: experience of Poland and prospects for Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing. Vol. 1: 283-294.
16. Shedyakov V.E. Strategichna kuljtura provedennja transformacij: mozhlyvosti ta zagrozy (2015). Rozvytok ekonomiky Ukrajinij pid vplyvom

ekonomichnykh, socialjnykh, tekhnologichnykh ta ekologichnykh trendiv / za red. M.S. Pashkevych, Zh.K. Nesterenko; M-vo osvity i nauky Ukrainy, Zapor. nac. tekhn. un-t, Nac. ghirn. un-t. D.: NGhU: 30-41.

17. Shedyakov V.E. Osushhestvlenie paradigmat'nyh transformacij: sozronirovanie strategii, taktiki i operativnogo iskusstva v upravlencheskih kompozicijah (2017). Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine / Maria Curie-Sklodowska University. Lublin: Baltija Publishing: 282-307.

18. Kobjakov A.B., Hazin M.L. Zakat imperii dollara i konec «Pax Americana» (2003). M.: Veche, 368 s.

19. Engdahl F.W.A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order (2004). Pluto Press, 312 p.

20. Shedyakov V.E. Politiko-jekonomicheskaja strategija forsirovannyh transformacij (2018) Strategies for Economic Development: The experience of Poland and the prospects of Ukraine / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing. Vol. 1: 287-303.

21. Shedyakov V.E. Organizacionno-upravlencheskie resursno-metodologicheskie vozmozhnosti obespechenija konkurentosposobnosti (2018). Theoretical and practical aspects of the development of modern science: the experience of countries of Europe and prospects for Ukraine / Scientific editor and project director: Anita Jankovska. 1st ed. Part 1. Riga: Baltija Publishing, 2018. P. 495-517.